

УДК 94(430); ББК 63.3(4Г)

К. Н. Цимбаев

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX ВЕКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА ГЕРМАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Проблема взаимоотношений со славянскими соседями в Центральной и Восточной Европе, с Россией, с балканскими народами занимала весьма важное место в немецкой общественно-политической мысли перед Первой мировой войной. Рамки этих отношений определялись, с одной стороны, в России — антинемецкой панславистской пропагандой, с другой стороны — в Германии — желанием противостоять российским интересам в Европе, главным образом — на Балканах, чтобы не допустить чрезмерного усиления славянского элемента под эгидой России; наконец, с третьей стороны, в восточноевропейских славянских странах и землях — необходимостью лавировать между великими державами и стремлением создать собственные национальные государства. В Германии в начале XX в. комплекс национальной неполноценности и чувство обиды на «европейский концерт» враждебного окружения, объединявшие немецкое общество на протяжении десятилетий, воплотились в мощные идеологии агрессивного пангерманизма и экспансионизма, не являвшиеся отражением особых настроений какой-либо одной партии или специфической социальной группы.

Пангерманизм превратился к рубежу веков из романтического культурно-политического движения, нацеленного на создание единого германского государства, в мощное политическое движение, оформившееся в Пангерманский союз, который с 1903 г. встал на путь открытой оппозиции справа — даже по отношению к воинственному Вильгельму II и довольно агрессивной правительственной

политике. Пангерманисты выступали за агрессивную внешнюю и радикально-националистическую внутреннюю политику, захват новых колоний и т. д. На схожих позициях стояли и другие массовые союзы (Немецкий флотский, Немецкий оборонительный, Немецкое колониальное общество¹ и др.). Яркие пангерманские публицисты — Теодор Райсмманн-Гроне, Эрнст Хассе и особенно председатель Пангерманского союза с 1908 г. Генрих Класс — настойчиво внушали населению и политикам свою главную идею: миру предстоит германизация, и если понадобится — насильственная.

Более либеральное течение, апеллирующее не столько к силе оружия, сколько к превосходству немецкой культуры, которое принято называть германским экспансионизмом, — в лице его ведущих идеологов Пауля Рорбаха, Теодора Шимана, Фридриха Наумана, Эрнста Ревентлова, Отто Хётча и др. — большее значение придавало внутреннему состоянию общества, созданию той национальной основы, на которую могла бы опереться будущая мировая держава (в отличие от пангерманистов и их сторонников, для которых главной была идея агрессивной *внешней* политики). Такой основой национального единства виделось сплочение народа вокруг кайзера ради так называемой *германской идеи* — с этим были согласны представители самых разных политических и общественных течений, от консервативных монархистов до значительной части социал-демократов. Основные фундаментальные положения экспансионизма — ценность «Великой Германии», решительное, вплоть до военного, противостояние возможным противникам, необходимость единства народа перед лицом «враждебного окружения», готовность к «защите отечества» и борьба за обретение немцами достойного «места под солнцем» — никем, за исключением крайне левых, под сомнение не ставились и служили своего рода основой национального согласия, вполне реального накануне и в первые годы мировой войны.

И официальная пропаганда, и подавляющее большинство публицистов изображали Германию начала века жертвой почти всемирного заговора внешнеполитической изоляции и окружения: с запада — англо-саксонским империализмом и французским реваншизмом, с востока — агрессивной отсталой Россией. Правительство и пресса смогли внедрить в общественное мнение тезис об оборонительном характере грядущей войны. Об этом говорили не только кайзер, известный своей воинственностью и политической близорукостью, канцлер Т. Бетман-Гольвег, на последнем этапе во многом лично спровоцировавший саму войну, и откровенно националистические круги, подобно Флотскому или Пангерманскому союзу, но и сравнительно умеренные круги, предпочитавшие говорить о распространении германских культурных ценностей. «Либеральные экспансионисты» внесли важнейший вклад в октроирование идеи враждебности «держав окружения» и «миролюбия» Германии. Борьба за Великую Германию делала их популярными в массах,

¹ Численность Пангерманского союза в предвоенное десятилетие колебалась на уровне 20 тыс. чел. и около 130 тыс. чел. корпоративного членства; во Флотский союз входило около 1 млн чел., из них треть — индивидуальные члены; Колониальное общество к 1914 г. насчитывало 42 тыс. членов.

призывы к войне — в военных и правительственных кругах. Очевиден их вклад в создание обстановки конфронтации и нетерпимости в предвоенной Европе, в разжигание антагонизма между народами, в формирование «образа врага», когда Германия стала восприниматься в России, Франции, Англии как воплощение агрессивной милитаристской политики, и, в свою очередь, рассматривать европейские державы как неизбежных врагов.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В изучении взаимоотношений Германии с ее восточными соседями можно выделить несколько основных направлений. Деятельность известных публицистов, «политических профессоров» рубежа веков, несмотря на исключительно широкий круг источников, лишь маргинально становилась предметом серьезного изучения. Ряд монографий вышел, в основном, в 1950–1970-е гг.² Творческое наследие большинства авторов столь богато и разнопланово, что создает немалые трудности для исследователя: работа историка превращается в Сизифов труд из-за необходимости обрабатывать «хаотическое нагромождение первоисточников и не ограничиваться классическим полем политической истории, но и заниматься психологией, социологией и еще слишком многим»³; «монографии отсутствуют из-за переизбытка материала и недостатка времени или являются по тем же причинам слишком специальными и излагают только один или несколько из долженствующих быть рассмотренными аспектов»⁴.

Изучались и различные трактовки славянского вопроса германской предвоенной публицистикой. Брошюра «Памяти Пауля Рорбах»⁵, напечатанная Немецко-украинским гердеровским обществом на волне первых послевоенных попыток переосмысления истории, содержит ряд статей, объединенных темой германско-украинских отношений. Укратиофильские, русофобские и антиверсальские взгляды авторов, среди которых выделяется Фр. Рорбах, племянник П. Рорбаха, в сочетании с отрицанием итогов Второй мировой войны продолжают многолетнюю традицию самого Рорбаха, вызывающего у них постоянное восхищение верностью своей балтийской родине, христианско-просветительской деятельностью, свободомыслием и свободолобием. Рорбах изображается как «типично немецкий исследователь и мыслитель», с твердыми демократическими убеждениями, несравненными знаниями и кругозором, его главная заслуга — помощь

---

² *Russland-Studien. Gedenkschrift für Otto Hoetzsch*. Stuttgart, 1957; *Boog H.* Graf Ernst zu Reventlow (1869–1943). Heidelberg, 1965; *Heuss T.* Friedrich Naumann. Der Mann, das Werk, die Zeit. München; Hamburg, 1968; *Mogk W.* Paul Rohrbach und das «Größere Deutschland». Ethischer Imperialismus im Wilhelminischen Zeitalter. München, 1972; *Bieber H.* Paul Rohrbach. Ein konservativer Publizist und Kritiker der Weimarer Republik. Berlin, 1972; *Theiner P.* Sozialer Liberalismus und deutsche Weltpolitik. Friedrich Naumann im Wilhelminischen Deutschland (1860–1919). Baden-Baden, 1983.

³ *Rost A.* Bilder und Röntgenbilder // Die Welt der Literatur. Nr. 8. 1965. S. 207.

⁴ *Boog H.* Graf Ernst zu Reventlow... S. 10.

⁵ Dem Andenken Paul Rohrbachs. Ein Beitrag zur osteuropäischen Problematik. Hg. von Deutsch-Ukrainischer Herder-Gesellschaft. München, 1959.

в борьбе за украинскую идею и украинскую государственность; тенденциозное изображение «отца украинцев», достойного стоять в одном ряду с Гердером и Гумбольдтом, исторически недостоверно. В статье П. Боровски «Пауль Рорбах и Украина»⁶ Рорбах представлен как создатель и последовательный выразитель той концепции восточноевропейской политики, которая определяла внешнюю политику Германии по отношению к России начиная с Первой мировой войны и — через Вторую — вплоть до «холодной войны»: «расчленение России на отдельные государства — из которых важнейшее Украина, которые, как поставщики сырья и рынки промышленного сбыта... должны стать базой для укрепления Германии в качестве мировой державы»⁷.

В книге Клауса Майера о Теодоре Шимане⁸ подробно изложена столь сильно волновавшая остзейских немцев проблема русификации Прибалтики; автор склонен излишне доверяться историко-политической аргументации своего героя, не подвергая ее критической проверке⁹. При этом К. Мейер аргументированно показал, что Шиман, многолетний внешнеполитический обозреватель общенациональной газеты, не сумел преодолеть своей прибалтийской провинциальности, что его обвинения «русской опасности» были преувеличенными и тенденциозными, а видение мира — упрощенно-консервативным, далеким от «великих социальных переворотов эпохи»¹⁰. Можно отметить и работы, анализирующие позицию Отто Хётча по отношению к России: убеждение в необходимости взаимопонимания Германии и России, в общности их интересов в борьбе против Англии и США рассматриваются исследователями его взглядов как опередившие свое время¹¹.

Книга Р. фом Бруха «Наука, политика и общественное мнение», изданная в 1980 г., остается наиболее серьезным исследованием роли профессоров в политической жизни предвоенной Германии. Охватывая очень широкий спектр вопросов (университетскую, парламентскую, партийную деятельность профессуры, ее связи в правительстве, прессе, участие в различных обществах и союзах), подробно прослеживая путь наиболее видных «политических профессоров», автор, вместе с тем, фактически уходит от поставленного в начале книги вопроса об их участии в «процессе принятия политических решений»¹².

⁶ *Borowsky P.* Paul Rohrbach und die Ukraine. Ein Beitrag zum Kontinuitätsproblem // Geiss I., Wendt J. (Hgg.). Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1973. S. 437–462.

⁷ *Ibid.* S. 437.

⁸ *Meyer K.* Theodor Schiemann als politischer Publizist. Frankfurt/Main; Hamburg, 1956.

⁹ Такую проверку, с неблагоприятным для Шимана итогом, на конкретном примере — государственных и национальных отношений в период русской революции 1905–07 гг. — см., например: Крупников П. Я. Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX века 1945 год). Рига, 1989. С. 101–120.

¹⁰ *Meyer K.* Theodor Schiemann... S. 267.

¹¹ *Voigt G.* Otto Hoetzsch. 1876–1946. Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers. Berlin, 1978; *Lizkowski U.* Osteuropaforschung und Politik. Ein Beitrag zum historisch-politischen Denken und Wirken von Otto Hoetzsch. Bd. 1–2. Berlin, 1988.

¹² *Bruch R.* Wissenschaft, Politik und öffentliche Meinung. Gelehrtenpolitik im Wilhelminischen Deutschland (1890–1914). Husum, 1980.

В Германии изучение славяно-германских отношений, взаимных национальных и исторических стереотипов, помимо известных университетских центров, связано с деятельностью Немецкого общества изучения Восточной Европы и издаваемым им журналом «Osteuropa», основанным еще Отто Хётчем. После Второй мировой войны оно во многом ассоциировалось с Клаусом Менертом, в 1951–1975 гг. возглавлявшим Общество и в своих работах занимавшимся и российско-германской политической проблематикой перед Первой мировой войной¹³. В последующие десятилетия на первый план выходит монументальный Вуппертальский проект Льва Копелева «Западно-восточные отражения», один том которого посвящен восприятию России в Германии на рубеже XIX–XX вв.¹⁴

В последние годы интерес исследователей вызывают различные аспекты политической и идеологической трактовки славянского вопроса в Германии начала XX в.¹⁵, в том числе — проблематика панславизма и антиславизма¹⁶, а также германского «дранга нах остен» и реакции на него славянской политической мысли¹⁷. «Расширенная военная история» последних лет¹⁸, изменившая взгляд исследовате-

---

¹³ *Mehner K.* Der deutsche Standort. Stuttgart, 1967.

¹⁴ West-östliche Spiegelungen. Reihe A. Bd. 4. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / Hgg. Mechthild Keller, Karl-Heinz Korn. München, 2000. — Можно отметить наиболее существенные для нашей темы статьи: *Kopelew L.* Am Vorabend des großen Krieges // Ibid. S. 11–110; *Lammich M.* Vom «Barbarenland» zum «Weltstaat» — Rußland im Spiegel liberaler und konservativer Zeitschriften // Ibid. S. 146–198; *Paddock T.* Historiker als Politiker // Ibid. S. 298–348; а также отдельно — анализ взглядов на эту проблематику остзейских немцев: *Garleff M.* 1) Deutschbalten zwischen den Kulturen // Ibid. S. 427–481; 2) Russen und Rußland in deutschbaltischen Erinnerungen // Ibid. S. 482–520.

¹⁵ *Remer C.* Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18. Frankfurt a.M. u.a., 1997; *Jaworski R.* Zwischen Polenliebe und Polenschelte. Zu den Wandlungen des deutschen Polenbildes im 19. und 20. Jahrhundert // Blick zurück ohne Zorn. Polen und Deutsche in Geschichte und Gegenwart. Tübingen, 1999. S. 55–70; *Liulevicius V. G.* The German Myth of the East. 1800 to the Present. Oxford, 2009; *Tu Tzu-hsi.* Die deutsche Ostsiedlung bis zum Ende des Ersten Weltkriegs. Kassel, 2009; *Kamusella T.* Germanization, Polonization, and Russification in the partitioned lands of Poland-Lithuania. Nationalities Papers. Sep. 2013. Vol. 41. Issue 5. P. 815–838.

¹⁶ *Troebst S.* Slavizität. Identitätsmuster, Analyserahmen, Mythos // Osteuropa 59 [2009]. H. 12. S. 7–19; *Karl L., Skordos A.* Im Spiegel des Westens — Panlawismus als Bedrohungsszenario im 19. Jahrhundert // Karl L., Skordos A. Panlawismus. Europäische Geschichte Online (EGO), hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte (IEG), Mainz 2013-06-06 (URL: <http://www.ieg-ego.eu/karll-skordosa-2013-de>).

¹⁷ *Wippermann W.* «Der Deutsche Drang nach Osten»: Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes. Darmstadt, 1981; *Lemberg H.* Der «Drang nach Osten» — Mythos und Realität // Lawaty A. u.a. (Hgg.). Deutsche und Polen. Geschichte — Kultur — Politik. München, 2003. S. 33–38; *Calic M.-J.* Kriegstreiber Serbien? Die Südslawen und der Erste Weltkrieg: eine Richtigstellung // Osteuropa. № 2–4. 2014. S. 43–58; *Tsimbaev K.* Der sowjetische Topos vom deutschen «Drang nach Osten». Historische, ideologische und wissenschaftliche Ursprünge // Post-Panlawismus: Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert. Gasior A. u.a. (Hgg.). Göttingen, 2014. S. 427–447.

¹⁸ «Милитяргешichte in der Erweiterung» (ср.: *Kühne T., Ziemann B.* (Hgg.) Was ist Militяргешichte? Paderborn, 2000).

лей на сам феномен войны и на его изучение¹⁹, новые методологические подходы современной историографии²⁰ и постепенное изменение восприятия научным цехом национальной проблематики особенно ярко проявились в юбилейный год начала Первой мировой войны, вызвав волну публикаций²¹; однако в целом данная тематика, несмотря на рост не только научного интереса к теме войны и межнациональных отношений в Европе, остается дезидератом историографии.

«КУЛЬТУРНАЯ ЭКСПАНСИЯ» В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ

Исходя из постулата, что лучший способ защиты национальных интересов — расширение собственной сферы влияния, германская публицистика единодушно требовала «проникновения» в самом широком смысле этого слова во все и заморские, и континентальные территории и государства, — проникновение, которое не должно ограничиваться собственно колониальной экспансией. Это именно то проникновение, которое П. Рорбах называл «моральным завоеванием». Здесь примером должны становиться англичане, чьи культурные ценности интенсивно проникают в национальные культуры разных стран, в результате чего «мир необычайно быстро становится английским», в то время как ему следовало бы становиться германским. Новые территории в глазах идеологов германского величия — это «объект величайшей важности», они служат не только «увеличению идейных и материальных сил и жизнедеятельности нашего народа»; они — сфера воплощения германства. В этом состоит ключевая идея экспансионистов: «Для распространения своей национальной мысли в мире... невозможно обойтись только силой оружия и экономически подчиняющей властью капитала, необходимо одновременно культурное проникновение в желаемые сферы влияния»²².

Каковы же направления этой экспансии? Где лежат цели неизбежной германизации?

Прежде всего, на Ближнем Востоке. Цель — Малая Азия, Месопотамия, Сирия. Средство — Багдадская железная дорога. Суть — экономическая и культурная экспансия. Одно из величайших нефтяных месторождений мира, богатейший экономический потенциал — шерсть, зерно, кожа, медь — это все «вещи, с которыми Турция сама не справится (но сможет справиться с нашей

¹⁹ См., например: *Berding H.* (Hg.). *Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. und 20. Jahrhundert*, Göttingen, 2000; *Carl H., Buschmann N.* (Hgg.). *Die Erfahrung des Krieges. Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Französischen Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg*, Paderborn, 2001.

²⁰ Яркий пример работы с новыми пластами источников и новой методологией: *Hamann B.* *Der Erste Weltkrieg: Wahrheit und Lüge in Bildern und Texten*. München, 2004.

²¹ Некоторые примеры, представляющиеся важными для нашей темы: *Jahn E.* *Niemand ist hineingeschlittert. Hundert Jahre Streit über die Schuld am Ersten Weltkrieg // Osteuropa*. № 11–12. 2014. S. 3–28; *Winter J.* (ed.) *The Cambridge History of the First World War*. Vol. 1–3. Cambridge, 2014; *Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Маныкина*. М., 2014.

²² *Rohrbach P.* *Der deutsche Gedanke in der Welt*. Leipzig, 1912. S. 55, 145.

помощью)»²³. Закрепиться в Турции — ближайшая задача. Следующий шаг — Китай. Важно, чтобы Германия победила в экономическом соревновании между западными державами в процессе модернизации Китая; еще важнее — сломить моральное сопротивление духовной культуры тысячелетней империи, заменить патриархально-теократическую идею конфуцианского Китая «немецкой идеей». Культурная экспансия, своего рода культурный империализм, уместен в Южной Америке, простая колониальная политика — в Африке.

Но при всем при этом ближайшей и важнейшей целью остается, конечно, Европа. Европа Западная, в которой выделяется Англия, этот «вампир континента», и Франция, проникнутая антинемецким духом реванша и шовинизма. И Европа Восточная и Юго-Восточная, в которой на первом месте стоит, разумеется, Россия.

Россия — единственный восточный сосед Германии. Объединиться ли двум сухопутным империям, двум великим историческим монархиям против Запада, против западного империализма? Или придавать меньше значения сентиментальным воспоминаниям о братстве по оружию столетней давности (то есть совместной борьбе против Наполеона) и чувству общности монархических народов, а больше — реальной политике современности, активности панславистской пропаганды, противоречиям на Балканах, угнетению немецкого населения в остзейских губерниях и, в свою очередь, германизации славянских земель, прежде всего, Польши и соответствующей протестной реакции славян?

В ответах на эти вопросы спектр воззрений немецких политиков и публицистов был достаточно широк, внешнеполитические положения о восточных соседях были предметом споров, даже типичные тезисы о нехватке «жизненного пространства» и неизбежности «движения на Восток» разделялись не всеми. Безусловно, весьма распространенным был топос об историческом стремлении России захватить черноморские проливы и о протяжении руки панславизма через Балканы до самого центра Европы. Предполагалось, что усиление балканских государств неизбежно приведет их к нападению на Австро-Венгрию с целью создания Великой Сербии, которая станет «русским филиалом на Адриатическом море». Более того, весьма распространенным в немецкой политической мысли было и представление о том, что стоявшие за славянами русские политики «ни секунды не сомневались, что для достижения своих целей необходима война не только с Австро-Венгрией, но и с Германией»²⁴. Германские публицисты охотно цитировали генерала М. Д. Скобелева, провозгласившего «Дорога в Вену ведет через Берлин», имея в виду, что если устранить влияние Германии, то австрийское сопротивление российской политике на Балканах прекратится само собой.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

В 1880-е гг., а также и позднее, «событием, которое в Европе ожидалось многими», была возможная англо-русская война²⁵. Большинство немецких политиков

---

²³ Rohrbach P. Deutschlands Lage in der Welt. Hamburg, 1916. S. 17.

²⁴ Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. Stuttgart, 1921. S. 93–94.

²⁵ Reventlow E. Deutschlands auswärtige Politik 1888–1914. Berlin, 1915. S. 30.

и публицистов не имели бы ничего против такой войны. Российско-германский «договор перестраховки» дал России гарантии безопасности ее сухопутных границ и положения на Балтийском море. Тем более обидным и непонятым, с точки зрения немецких политических писателей рубежа веков, было поведение России, в которой «при попустительстве властей нагнеталась антинемецкая истерия». Развязанная панславистами кампания дала свои плоды: холодный прием, оказанный Вильгельму II во время его поездки в Россию, и вручение российских орденов президенту и министру иностранных дел Франции были внешними признаками этого. Внутренними, более важными — конец французской изоляции в Европе, вхождение ее после периода беспомощности и униженного положения побежденной страны вновь в число великих держав, что произошло в результате Франко-русского союза 1984 г.²⁶ Только «отличные отношения» императоров (Вильгельма II с Николаем II) позволяли поддерживать нормальные связи между державами и даже уверять друг друга, что «отношения России и Германии постоянно будут хорошими». В действительности же эти отношения отличались нестабильностью. Германия постоянно колебалась между Англией и Россией, и при том, что англо-русское сближение считалось «совершенно исключенным», выбор был довольно сложным, но необходимым²⁷.

Существенным представляется то обстоятельство, что значительную часть среди довольно узкого круга немецких экспертов по Восточной Европе составляли выходцы из России — остзейские немцы. В отличие от большинства остзейского немецкого дворянства, традиционно лояльного российской императорской власти, эмигранты — известные историки, публицисты, «политические профессора» Т. Шиман, О. Хётч, П. Рорбах — не имели ни иллюзий, ни симпатий по отношению к России и испытывали историческую потребность возлагать на нее любую вину как на извечного врага Германии и всех немцев²⁸. Они последовательно рисовали картину планомерного враждебного окружения Германии, вынужденной, несмотря на свое стремление к мирному развитию германства, прежде всего, в культурной и экономической сферах, защищаться от агрессивной политики Европы — как Западной, так и Восточной²⁹.

При этом и русское прошлое, и настоящее Российской империи, которой они достаточно прозорливо пророчили в начале XX в. катастрофические потрясения³⁰, и ее будущее, которое рассматривалось в контексте утверждения германского первенства в мире, — все это служило для доказательства тезиса об изначальной, метафизической агрессивности России и русских, об их враждебности немцам

²⁶ Ibid. S. 30–34.

²⁷ Ibid. S. 84, 174.

²⁸ Schieman Th. Die letzten Etappen zum Weltkrieg. Berlin, 1915; Hoetzsch O. Rußland als Gegner Deutschlands. Leipzig, 1914; Rohrbach P. 1) Warum es der deutsche Krieg ist! Stuttgart; Berlin, 1914; 2) Woher kam der Krieg? Weimar, 1916.

²⁹ Schieman Th. 1) Deutschland und die große Politik anno 1901–1914. Bd. 1–14. Berlin, 1902–1915; 2) Die letzten Etappen zum Weltkrieg. Berlin, 1915.

³⁰ «Россия стоит на пороге катастрофы» (Rohrbach P. Das Finanzsystem Witte. Berlin, 1902. S. 11).

и немецкой культуре. Создавая свой миф о России, экспансионисты породили фантом — «русскую опасность», фантом, который стал центральным пунктом их построений и со временем вышел за пределы внешнеполитической доктрины экспансионизма³¹.

В глазах значительной части германской публицистики реформы Витте конца XIX в., его попытка в короткий срок провести индустриализацию страны, ускоренное строительство железных дорог и связанный с этим растущий дефицит бюджета, нерешенность аграрного вопроса должны неминуемо привести к экономическому и социальному краху. И это будет опасно не только для России, но и для всего мира. Ибо испытывающий внутренние трудности режим может попытаться избежать катастрофы, встав на путь внешнеполитических авантюр. Именно здесь — корень «русской опасности» и источник угрозы европейской войны.

Славянский мир между Россией и Германией

В германском политическом дискурсе тема России занимала главенствующее место в восточноевропейской проблематике. С одной стороны, этот великий народ заслуживает восхищения и подражания даже у антироссийских публицистов: «Кроме англичан, история вообще знает только две нации, которым досталось сравнимое национальное чувство собственного достоинства, схожее провиденциальное осознание своей силы: римляне и, по крайней мере, на протяжении определенной эпохи, ведущие классы русской нации». Русский народ верит в свою высокую миссию в мире, а именно — в то, что «Восток, мир азиатского ислама, да, наконец, Китай и вся Азия до Тихого и Индийского океана — наследство, которым Бог определил владеть и повелевать русскому царю и его народу». Русские, как и англичане, «привыкли на основе длинной цепи своих грандиозных политических и (действительных или мнимых) цивилизаторских успехов в большей или меньшей степени идентифицировать дело развития человечества с их собственным национальным положением»³².

С другой стороны, Россия — например, по мнению одного из известнейших публицистов кайзеровской Германии и ведущего специалиста по русской истории и политике Пауля Рорбаха — была и остается дикой крестьянской страной, а русские, связавшие свою судьбу с отсталым византийским христианством, обрекли себя тем самым на тысячелетия полуварварства и фатальной привязанности к Азии. При этом Рорбах откровенно опирался на давние тезисы П. Я. Чаадаева. Под несомненным воздействием российской историософской традиции в духе «государственной школы» С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина сформулирована и другая основополагающая мысль Рорбаха — о «протяженности» России, ее огромных пространствах и стремлении заполнить собой все прилегающие территории.

---

³¹ Об идеологии германского экспансионизма подробнее см.: *Цимбаев К. Н.* «Великая Германия». Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. М., 2015.

³² *Rohrbach P.* Deutschland unter den Weltvölkern. 1911. S. 168–171.

«Протяженность» России есть следствие завоеваний, ибо она создана ими и порождает все новые. С начала российской государственности «внешняя политика России имела очень ясную цель. Она заключается в одном слове — экспансия». Согласно предельно четко сформулированному мнению Рорбаха, территориальная и внешнеполитическая экспансия стала «исторической судьбой России»³³.

Произвольно подбирая исторические факты, Рорбах доказывал, что начиная с IX в. большинство русских великих князей, царей и императоров проводили экспансионистскую политику. Не изменилась она и в XX в., что подтверждается знаменитым тезисом министра иностранных дел А. П. Извольского: «Рука России — надо всей Азией!». Эту цель — гегемонию в Азии — преследовало и строительство Сибирской железной дороги; Россия хотела также «привести Китай в состояние военно-политической и экономической зависимости»³⁴.

Однако Китай и Дальний Восток — не главное направление российской экспансии. «Сердце нации было и оставалось со старыми историческими целями на Востоке, на турецком Востоке»³⁵. Национально-политические идеалы в России — выполнить свою историческую миссию — «свергнуть полу-месяц с купола Софийского собора в Константинополе и водрузить на его место православный крест»³⁶. Помимо Константинополя, который был не только религиозным символом православия, но и играл ключевую роль в вопросе о черноморских проливах, у России были и другие цели — «Балканы, Австро-Венгрия и панславизм!»³⁷. Последний есть объединение разрозненных южнославянских народов под эгидой России и «протяжение ее руки» до самого центра Европы³⁸. Перспектива для Германии и Центральной Европы незавидная, и Рорбах был не одинок в восприятии реальности «русской опасности» всерьез.

В изображении большей части германской публицистики Россия в своей экспансии на Запад стремилась не только на Балканы и к Проливам, не только силой удерживала за собой Прибалтику. Не менее остро стоял в начале XX в. и украинский вопрос. Украина виделась из Германии сквозь призму взаимоотношений между Россией и ближайшим союзником — Австро-Венгрией, чьи интересы сталкивались в Юго-Восточной славянской Европе. «Властитель дум» предвоенной Германии Рорбах писал: «Для враждебности России против Австро-Венгрии есть еще одна, очень трудно устранимая причина — украинское движение»³⁹. Здесь он не был оригинален. В данном случае он сам признавал, что повторяет концепцию украинского автономиста П. П. Митрофанова, профессора Петербургского университета и ученика великого немецкого военного историка Ганса Дельбрюка. С Митрофановым Рорбах длительное время состоял в переписке, во многом на

³³ Ibid. S. 96.

³⁴ Ibid. S. 77–79.

³⁵ Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. 1921. S. 78.

³⁶ Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. 1911. S. 82.

³⁷ Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. 1921. S. 197.

³⁸ Ibid. S. 78.

³⁹ Ibid. S. 92.

основе его писем Рорбахом в разгар мировой войны были написаны статьи в знаменитой серии брошюр о «русской опасности»⁴⁰.

БАЛКАНСКИЙ ВОПРОС И МИРОВАЯ ВОЙНА

Говоря о проблематике балканского вопроса, несложно проследить влияние на Рорбаха и других людей, которых он считал признанными авторитетами в этой области, — бывшего временного поверенного в делах Сербии в Берлине М. Богичевича, сербского посланника в Петербурге Р. Козутича, первого министра Сербии Н. Пашича, историка М. П. Покровского. Несомненно, послевоенные идеи Покровского (впрочем, не расходившиеся с довоенными мыслями самого Рорбаха), укрепляли уверенность немецкого публициста в виновности властей Сербии в Сараевском убийстве. В 1921 г. Рорбах пошел еще дальше Покровского и на основе своих давних представлений о роли Российской империи на Балканах выстраивал схему целенаправленного создания Россией взрывоопасного положения на юго-востоке Европы и преднамеренного развязывания ею мировой войны.

По Рорбаху, начало событиям, приведшим к мировой войне, было положено болгарско-сербским договором 29 февраля 1912 г., из которого возник Балканский союз. Договор «был написан под русскую диктовку и... Балканский союз существовал под крылом России». Последовавшее за этим усиление балканских государств неизбежно должно было привести их к нападению на Австро-Венгрию с целью создания «Великой Сербии, которая, конечно, не могла быть ничем иным, как русским филиалом на Адриатическом море». При этом стоявшие за славянами русские политики «ни секунды не сомневались, что для того, чтобы достичь этой цели, необходима война не только с Австро-Венгрией, но и с Германией». Поэтому начиная с 1912 г. деятельность России была устремлена на то, чтобы «создать направленную против Австрии и Германии, по возможности, многочисленную группировку держав, с четко осознаваемым намерением развязать военное столкновение в момент, который покажется России благоприятным». В центре этой группировки и всех русских планов стояла Сербия. Именно образованная вокруг Сербии система «подготовила со стороны России мировую войну». «Подавляющее большинство российских политиков было за войну, и именно за войну с Австро-Венгрией и Германией за балканские цели».

Балканы оставались единственным реальным направлением открытой экспансии России после крушения ее дальневосточной политики в Русско-японской войне. Первым шагом на пути к новой (точнее, старой, вековой) цели стало соглашение с Англией в 1907 г. Вторым — система вокруг Сербии. «Видно, что Россия для обоснования своего господства на Балканах и разрушения Австро-Венгрии хотела начать войну с помощью балканских государств и особенно Сербии; что между Сербией и Россией в этом вопросе было взаимопонимание; наконец, что

---

⁴⁰ *Rohrbach P.* (Hg.) *Die russische Gefahr. Beiträge und Urkunden zur Zeitgeschichte.* Stuttgart, 1916–1918.

война с Австро-Венгрией, а также война с Германией считалась само собой разумеющейся».

Балканы и проливы, таким образом, представлялись ближайшей, ясно видимой целью России. Ее перспективные планы шли дальше, возвращаясь к проектам столетней давности, когда подобные намерения Александра I были отвергнуты Наполеоном со словами: «Константинополь? Нет, это было бы мировое господство!»

Повторяя суждение немецкой «Белой книги», Рорбах подробно пересказывает этапы разработки русских военных и морских оперативных планов с участием министра иностранных дел С. Д. Сазонова и всех наиболее ответственных политиков и делает вывод, что «представление, будто можно было сохранить мир с Россией и тем самым во всем мире, возможно только при недостаточных знаниях и недостаточном наблюдении за поведением России». Российская политика «притязания на господство над всеми балканскими славянами и всеми австро-венгерскими славянами оставалась жизненно опасным моментом для Германской империи». А также для всего мира, ибо в стремлении России к «воплощению своей славянской идеи... и лежит ключ к мировой войне»⁴¹.

Задачи Германии на Востоке Европы

Ведущий эксперт по российской проблематике Теодор Шиман, личный друг кайзера Вильгельма II, многолетний колумнист влиятельнейшей правоконсервативной «Kreuzzeitung», основатель и заведующий первой в Германии кафедры изучения восточноевропейской истории в Берлинском университете в качестве одной из важнейших своих задач считал открыть обществу глаза на «русскую опасность». «У нас в Германии наблюдают за развитием дел в России как за пьесой, без малейшего беспокойства, то аплодируя, то не одобряя». А между тем, необходимо ясно осознать негативные последствия такого безразличия, ибо не знать и не думать о русской опасности — значит усугублять ее. Россия веками существовала как восточная, азиатская держава, всегда коварная и с постоянным «стремлением к экспансии». Лишь понимание того, что открытая экспансия на Запад будет для нее опасна, удерживает Россию от военной политики. И сдерживать ее агрессивность, с позиции силы защищать Европу от «русской опасности» — задача Германии⁴².

В течение двух десятилетий перед войной, по мере того, как все слабее становились надежды на политическую реформу и постепенную европеизацию России, позиция и лично Шимана, и общественного мнения, которое он во многом формировал, становилась все более антироссийской. Если на исходе XIX в. он полагал, что оба государства, связанные общим монархическим принципом и дружбой императоров, могут поддерживать нормальные отношения, хотя для союза между ними нет ни необходимости, ни возможности, то в дальнейшем он прямо писал: «Если взглянуть в будущее, то окажется, что сосед на Востоке — наш самый опасный

⁴¹ Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. 1921. S. 92–110.

⁴² Schiemann Th. Deutschland und die große Politik. 1903. S. 29.

враг, тот, с которым мы, когда наши отношения все же вновь оформятся, должны будем считаться как с недоброжелательным и непримиримым противником»⁴³.

С Шиманом солидаризировался Пауль Рорбах, у которого было с ним немало общего: остзейское происхождение, знание русского языка, обширные знакомства в политических, общественных и научных кругах, авторитет эксперта и внимание читателей. Непосредственно перед мировой войной Россия «представляла из себя ненормальную и непрерывно растущую массу. Противостоять этой массе, поставленной, благодаря автократии царизма и непрерывному господству панславистской великодержавности, целиком на службу чудовищных захватнических и аннексионистских планов, могла только объединенная Срединная Европа». Поэтому так важно было для Германии поддерживать и сохранять в целостности Австро-Венгрию, а для России — если не уничтожить, то развалить ее. И эрцгерцог Франц-Фердинанд, имевший программу сильной триединой империи, был ей помехой. Прямо не обвиняя Россию в организации Сараевского убийства, Рорбах откровенно намекал на это и, безусловно, был уверен в том, что она стояла за ним. Убийство стало «продуктом агитации за Великую Сербию, которой Франц-Фердинанд хотел противопоставить свою политику» и которую Россия вела с заранее обдуманном намерением развязать в нужный ей момент войну⁴⁴.

России надо противостоять всеми силами, ибо если официальная Россия нестабильна и неинтересна, а «московитская» — преследует нереальные цели господства на Тихом океане и возврата Константинополя, то Россия панславистская, безусловно, опасна и готова «в любой день спустить панславистскую военную фурию на Европу»⁴⁵. И именно немецкий народ призван стать оплотом против «русской опасности». Слова Ганса Дельбрюка не раз потом повторялись его единомышленниками: «Если Россия видит свою миссию в том, чтобы завоевать Европу и Азию — что ж, мы миссию Германии видим в спасении Европы и Азии от господства московитства»⁴⁶. Восточный сосед представляет несомненную опасность — военную, политическую, духовную. И Германия должна всеми силами противостоять этой опасности, защищая и себя, и всю Европу.

Представления о славянских странах, прежде всего, о России как стране «кнута и водки, чиновника и попа», не имеющей «человеческой, арийской истории», полной «славяно-татаро-монгольского бескультурья»⁴⁷, были типичны для

---

⁴³ Это было написано во время войны, когда русская армия терпела поражения, и хотя Шиман был уверен в неизбежном разгроме России, она, по его убеждению, «остается для нас опасным соседом. Прирост ее населения скоро восполнит потери этой войны и, если она не откажется от своих честолюбивых целей, однажды мы снова должны будем скрестить с ней оружие, чтобы добиться окончательного решения». И это написано в 1915 году! (*Schiemann Th. Russische Angriffe und Anschläge auf Deutschland vor Nikolaus II. // Süddeutsche Monatshefte. 12 (1914/1915). S. 604.*)

⁴⁴ *Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. 1921. S. 161–167.*

⁴⁵ *Rohrbach P. 1) Zum Weltvolk hindurch! Stuttgart, 1914. S. 14; 2) Zum Krieg! // Preußische Jahrbücher. 25.06.1913.*

⁴⁶ *Rohrbach P. Deutschland unter den Weltvölkern. 1921. S. 109.*

⁴⁷ *Hoetzsch O. Rußland. Ein Versuch // Akademische Blätter. 15 (1900/1901). S. 79, 95–96, 119.*

немецкой общественности, не знающей русских реалий. Однако из страха перед «затоплением Германии волнами славянства»⁴⁸ у отдельных авторов вытекала порой — в противоположность политическому мейнстриму — и мысль о необходимости добрососедских отношений.

Знаток и исследователь новой и новейшей русской истории профессор Отто Хётч с 1900 г. публиковал в специальных и массовых повременных изданиях многочисленные статьи о традициях конституционализма в России, о панславизме, о русской колониальной политике⁴⁹, во многом его усилиями в 1913 г. в Германии было создано Немецкое общество изучения Восточной Европы. Непосредственно накануне мировой войны он издал своеобразное обобщение исторических наблюдений, свидетельство его действительно глубокого знания современной России⁵⁰. Политическое состояние восточного соседа, его экономическое и социальное развитие интересовали Хётча прежде всего в плане возможностей, которые открывались перед германской внешней политикой. Хётч — убежденный и последовательный экспансионист, отлично осведомленный о слабости царской России. Ему глубоко чужда российская действительность — пренебрежение правом, насилие «сверху» и «снизу», идущее из прошлого стремление к захватам. Как и многие его современники, Хётч предвидел неизбежность русской революции, однако, в отличие от большинства, он, ясно отвергая для Германии возможность повторения «русского пути», всегда — неизменно и настойчиво — призывал к сотрудничеству с Россией, независимо от ее внутреннего состояния и формы правления⁵¹.

На протяжении многих лет Хётч отстаивал эту главную для него идею: «Двести миль незащищенной немецкой границы есть и всегда будут предупреждением и обязательством сохранять хорошие отношения с Россией в соответствии с традицией Бисмарка»⁵². Германии необходима свобода рук и гарантия безопасности с Востока в случае возможного военного столкновения с Англией. Именно Англия — главный соперник в борьбе за главенство в мире, и на долгом пути Германии к подлинно великой мировой державе союз с Россией неизбежен. Впоследствии эта политика может быть пересмотрена, но лишь в «далекие туманные времена». Пока же нельзя допускать возможности того, чтобы Россия воспользовалась отвлечением сил Германии на мировую политику для нападения на нее⁵³.

⁴⁸ Hoetzsch O. Die österreichische Staatsidee // Akademische Blätter. 24 (1909/1910). S. 236.

⁴⁹ Например: Hoetzsch O. 1) Die historischen Grundlagen eines konstitutionellen Lebens in Rußland. Umriss und Grundlinien // Hoetzsch O. Beiträge zur russischen Geschichte. Berlin, 1907; 2) Russisch-Turkestan und die Tendenzen der heutigen russischen Kolonialpolitik // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich, 37 (1913). H. 2–3. S. 371–409.

⁵⁰ Hoetzsch O. Rußland. Eine Einführung auf Grund seiner Geschichte von 1904 bis 1912. Berlin, 1913.

⁵¹ После смерти Хётча (он умер в 1946 г.) были изданы «Основные черты истории России» — измененный им в последний год жизни (и ведь какой год — 1945–1946!) вариант книги 1913 года, также пронизанный отчетливо выраженным дружеским отношением к России (см.: Hoetzsch O. Grundzüge der Geschichte Rußlands. Stuttgart, 1949).

⁵² Hoetzsch O. Das Zeitalter Wilhelms II. // Akademische Blätter. 17 (1902/1903). S. 289.

⁵³ Hoetzsch O. Rußland. Ein Versuch. S. 120.

Кроме того, интересы обеих держав совпадают в Польше, где поляки не оставляют надежды на восстановление своей государственности. К 1906 г. германизаторская политика привела уже к открытому сопротивлению поляков, и в брошюре о польском вопросе, изданной в следующем году, Хётч пишет: противостоять польскому национальному движению, победить в борьбе за колонизацию или германизацию восточных земель под лозунгом «немецкие крестьяне на немецкой земле» — такова «важнейшая задача нашей польской политики»⁵⁴. Успешное решение ее также зависит от взаимодействия с Россией.

С точки зрения самих немецких публицистов, Германия перед Первой мировой войной была более склонна к установлению взаимопонимания с Россией, чем Россия с Германией. Даже несмотря на создание Антанты и завершившееся окружение Германии с участием России, во время Балканских войн «в немецкой общественности возникло желание, чтобы немецкая политика попыталась наладить тесные отношения с Россией: тогда положение Германской империи будет более уверенным, чем когда-либо, и можно будет рука об руку с Россией противостоять Великобритании в Европе и повсюду — и сокрушить ее». И именно Россия отвергла, однако, эти попытки. Причиной была, во-первых, направленная на усиление Турции немецкая восточная политика; во-вторых — «постоянно растущая русская ненависть против Германской империи, фанатичное русское озлобление против каждого факта активной немецкой восточной политики»⁵⁵. Так писал еще один влиятельный, исключительно яркий публицист национально-патриотического направления граф Эрнст цу Ревентлов, ведущий эксперт по военным и военно-морским делам, издатель еженедельника армии и флота «Überall», фигура настолько значительная, что сторонним наблюдателям казалось, будто «Ревентлов, Рорбах и еще некоторые империалистически-политические “эксперты”, собственно, и управляют Германией»⁵⁶. При этом в своих статьях и книгах он преувеличивал военную мощь России и недооценивал ее социально-политическую слабость, однако делал общий вывод о необходимости сохранять с ней хорошие отношения и не доводить их до крайностей.

Слабость России, в том числе внешнеполитическая, была очевидным для многих фактом. Борьба балканских государств за независимость сопровождалась потерей Россией своего влияния в Юго-Восточной Европе. Традиционная германская точка зрения была представлена, в частности, коллегой О. Хётча по «Высшей школе политике» и соиздателем П. Рорбаха по «Великой Германии» Эрнстом Йеком и выражала необходимость поддержки Германией отхода славянских государств от русского «крестного отца»⁵⁷. Разорвав «турецкие цепи», они «скоро освободятся и от русских цепей», и задача Германии — занять на Балканах место России, тем более, что экономическое значение России уже (речь идет о 1913 году)

---

⁵⁴ Hoetzsch O. Die dringendste Aufgabe der Polenpolitik. München, 1907. S. 6.

⁵⁵ Reventlow E. Deutschlands auswärtige Politik 1888–1914. Berlin, 1915. S. 383–384.

⁵⁶ Whitman S. Deutsche Erinnerungen. Berlin, 1912. S. 134.

⁵⁷ Jäckh E. Deutschland im Orient nach dem Balkankrieg. München, 1913. S. 104.

«очень низкое»⁵⁸. Более того, в статье «Германские потребности между Белградом и Багдадом», изданной в последний мирный год, Э. Йек откровенно раскрывает мечты германских экспансионистов, для которых Восточная Европа — поле не только культурной экспансии, но и объект аннексионистских замыслов⁵⁹.

ГЕРМАНИЯ И СЛАВЯНЕ

С небольшими оговорками можно констатировать факт глубокого вовлечения германских интеллектуалов начала XX в., в том числе и наиболее влиятельных и политически неангажированных, в феномен политического национализма и милитаризма. Во имя Великой Германии, во имя обретения ею подлинного «места под солнцем», во имя существенного расширения ее границ и сфер влияния публицисты не жалели усилий, журналистского таланта и научной эрудиции, чтобы представить Россию и, в меньшей степени, славянские народы Восточной Европы провиденциальными врагами Германии и немецкого народа. Преуспев в этом, превратив «русскую опасность» и «славянские орды» в реальный фактор внутри- и внешнеполитической пропаганды, они в какой-то — пусть малой — степени способствовали крушению той исторической императорской России, с которой немцы были связаны на протяжении столетий тысячью уз — политических, династических, торгово-экономических, культурных, и которая поддержала создание Германской империи.

Перед Первой мировой войной немецкие публицисты, с одной стороны, с удовлетворением отмечали отпадение славянских народов от России: они «проснулись и выросли»; Россия им больше не нужна — «Россия освободила балканские народы, но теряет политическое руководство над ними; идеологическую и экономическую власть над ними должна и может завоевать Австрия». С другой стороны, эта ситуация заведомо крайне конфликтна, ибо теряя свои позиции, Россия может перейти от угроз к действиям: «извечный русский шовинизм уже все громче кричит о балканских Мукдене и Цусиме»⁶⁰.

Российские притязания на господство над всеми балканскими и австро-венгерскими славянами воспринимались как жизненно опасные для Германской империи: в стремлении к воплощению славянской идеи немцам виделся призрак мировой войны. Из страха перед «затоплением Германии волнами славянства» вытекали, однако, как идея о возможном военном столкновении с Россией, так и мысль о необходимости добрососедских отношений. Панславизм рассматривался иными экспертами (П. Рорбах, Т. Шиман) как источник опасности, другими (О. Хётч, Ф. Науман) — как утопия, поскольку реальный ход событий, особенно после Балканских войн, показал всю иллюзорность надежд на единое славянское государство.

Так, Хётч писал в 1913 г. в «*Kreuzzeitung*», в полном противоречии с тогдашней линией газеты: «Панславизм — исключительно настроение и чувство, чувство

---

⁵⁸ Ibid. S. 115, 118, 126.

⁵⁹ *Jäckh E. Deutsche Notwendigkeiten zwischen Belgrad und Bagdad // Jäckh E. Deutschland im Orient nach dem Balkankrieg. München, 1913. S. 148–158.*

⁶⁰ Ibid. S. 126.

общности с другими славянскими племенами, на которое сильно влияет старая традиционная восточная политика России и которое черпает силу в ненависти к немцам или — в более общем смысле — к германству, но которое политически абсолютно бесцельно. Он — не реальная политическая программа». Кроме того, идеи панславизма увлекают «очень маленький круг людей», в целом же русский народ, по мнению Хётча, «абсолютно не интересуется ими»⁶¹. Панславизм в России — слабая, не пользующаяся поддержкой общества идея, панславизм же отдельных славянских государств и движений преследует собственные интересы, нимало не заботясь о чувствах и амбициях России, поэтому не получит ее содействия и никогда не воплотится в жизнь.

В целом же политическая мысль Германии вырабатывала концепцию о поддержке Германией отхода славянских государств от России, о необходимости занять на Балканах место России, об экономической, политической и культурной экспансии в Юго-Восточной Европе, вплоть до призывов к колонизации и германизации славянского мира. Роль славянского аспекта в полемическом дискурсе предвоенной Европы, в формировании образов врага, в конечном счете, в развязывании войны — хотя и не решающая — несомненна.

Данные о статье

Автор: Цимбаев, Константин Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры Славистики и центральноевропейских исследований Историко-филологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, tsimbaev@gmail.com

Заголовок: Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX в.

Резюме: Проблема взаимоотношений со славянскими соседями в Центральной и Восточной Европе, с Россией, с балканскими народами занимала важное место в немецкой общественно-политической мысли перед Первой мировой войной. Рамки этих отношений определялись: в России — антигерманской панславистской пропагандой; в Германии — желанием противостоять российским интересам в Европе, главным образом на Балканах, чтобы не допустить там чрезмерного усиления славянского элемента; в восточноевропейских славянских странах и землях — необходимостью лавировать между великими державами и стремлением создать собственные национальные государства. Немецкие публицисты, с одной стороны, с удовлетворением отмечали отпадение славянских народов от России: их национальные движения развивались самостоятельно, без российского политического руководства; идеологическую и экономическую власть над ними следовало захватить Австрии. С другой стороны, эта ситуация крайне конфликтна, ибо теряя свои позиции, Россия может перейти от угроз к действиям. Российские притязания на господство над всеми балканскими и австро-венгерскими славянами воспринимались как жизненно опасные для Германской империи: в стремлении к воплощению славянской идеи немцам виделся призрак мировой войны. Из страха перед затоплением Германии волнами славянства вытекали, однако, как идея о возможном военном столкновении с Россией, так и мысль о необходимости добрососедских отношений. Панславизм рассматривался иными экспертами (П. Рорбах, Т. Шиман) как источник опасности, другими (О. Хётч, Ф. Науман) — как утопия, поскольку реальный ход событий, особенно после Балканских

---

⁶¹ *Hoetzsch O.* Die äußere Politik der Woche // *Kreuzzeitung*. 9.4.1913.

войн, показал всю иллюзорность надежд на единое славянское государство. В целом же политическая мысль Германии вырабатывала концепцию о поддержке Германией отхода славянских государств от России, о необходимости занять на Балканах место России, о экономической, политической и культурной экспансии в Юго-Восточной Европе, вплоть до призывов к колонизации и германизации славянского мира. Роль славянского аспекта в полемическом дискурсе предвоенной Европы, в формировании образов врага, в конечном счете, в развязывании войны — хотя и не решающая — несомненна.

Ключевые слова: славянский вопрос, германский экспансионизм, Первая мировая война, национальная идея, пангерманизм, Drang nach Osten, немецкая публицистика

Information about the article

Author: Tsimbaev, Konstantin Nikolaevich — Ph. D. in History, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, timbaev@gmail.com

Title: Slavic problem in German political thought at the beginning of the 20th century

Summary: The problem of relationship with Slavic neighbours from Middle and East Europe, with Russia, with Balkan nations held a prominent place in the German sociopolitical thought on the eve of the World War I. In Russia, this relationship was shaped by Anti-German Pan-Slavic propaganda. Crucial for Germany was the desire to stand against Russian interests in Europe, and first of all, in the Balkans, and not to allow an increase of Slavic influence there. The East Slavic countries were forced to balance between the two Great Powers trying at the same time to create their own national states. On the one hand, German political writers were pleased to note the separation of Slavic nations from Russia, insofar as their national movements were out of Russian political control, and the ideological and political power over them had to be taken by Austria. On the other hand, this situation was controversial, because, in view of losing ground, Russia could come from threatening to acting. Russian ambitions to dominate all the Balkan and Austro-Hungarian Slavs were considered as vitally dangerous for the German Empire, the Germans feared that the realization of the Slavic idea would lead to a world war. The potential danger of Slavdom evoked both the idea of a probable military showdown with Russia and the idea of the need for good neighbourliness. Pan-Slavism was seen by some experts (P. Rohrbach, Th. Schiemann) as a source of danger, yet others (O. Hoetzsch, F. Naumann) thought of it as Utopia, since the real course of events, especially after the Balkan wars, showed the delusiveness of hopes for a united Slavic state. On the whole, German political writers argued for the necessity to take over the role of Russia in the Balkans, for economic, political and cultural expansionism in South-East, up to appeals for colonization and Germanization of the Slavic world. The role of «Slavic question» in the polemical discourse of the pre-war Europe, in particular in the construction of enemy images, and ultimately, in the outbreak of war, though not decisive, is of considerable importance.

Keywords: Slavic problem, German expansionism, World War I, national idea, Pan-Germanism, Drang nach Osten, German political journalism

References

Belousov, Lev Sergeevich; Manykin, Aleksandr Serafimovich (eds). *Pervaya mirovaya vojna i sud'by evropejskoy tsivilizatsii* [*The First World War and the Destiny of European Civilization*]. Moscow: Moscow University Press, 2014. 816 p.⁶² (in Russian).

Berding, Helmut (Hg.). *Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. und 20. Jahrhundert* [*War and Memory. Case studies about the 19th and 20th century*]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 2000. 225 p. (in German).

---

⁶² Белоусов, Лев Сергеевич; Манькин, Александр Серафимович (Ред.) Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. Москва: Издательство МГУ, 2014. 816 с.

- Bieber, Horst. *Paul Rohrbach. Ein konservativer Publizist und Kritiker der Weimarer Republik* [*Paul Rohrbach. A conservative journalist and critic of the Weimar republic*]. München: Verlag Dokumentation Publ., 1972. 270 p. (in German).
- Boog, Horst. *Graf Ernst zu Reventlow (1869–1943)* [*Count Ernst zu Reventlow (1869–1943)*]. Heidelberg: Universitätsverlag Publ., 1965. 326 p. (in German).
- Borowsky, Peter. Paul Rohrbach und die Ukraine. Ein Beitrag zum Kontinuitätsproblem [Paul Rohrbach and the Ukraine. A contribution to the continuity problem], in Geiss I., Wendt J. (Hgg.). *Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts*. Düsseldorf: Bertelsmann Publ., 1973. P. 437–462 (in German).
- Bruch, Rüdiger. *Wissenschaft, Politik und öffentliche Meinung. Gelehrtenpolitik im Wilhelminischen Deutschland (1890–1914)* [*Science, politics and public opinion. Scholar politics in Wilhelmine Germany (1890–1914)*]. Husum: Matthiesen Publ., 1980. 232 p. (in German).
- Calic, Marie-Janine. Kriegstreiber Serbien? Die Südslawen und der Erste Weltkrieg: eine Richtigstellung [Warmonger Serbia? The southern Slavs and the First World War: a correction], in *Osteuropa*. № 2–4. 2014. P. 43–58 (in German).
- Carl, Horst; Buschmann, Nikolaus (Hgg.). *Die Erfahrung des Krieges. Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Französischen Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg* [*The Experiences of War. Historical perspectives from the French revolution up to the Second World War*]. Paderborn: Schöningh Publ., 2001. 275 p. (in German).
- Dem Andenken Paul Rohrbacks. Ein Beitrag zur osteuropäischen Problematik* [*To the Memory of Paul Rohrbach. A contribution to Eastern European issues*]. Hg. von Deutsch-Ukrainischer Herder-Gesellschaft. München: Verlag Ukraine Publ., 1959. 67 p. (in German).
- Garleff, Michael. Deutschbalten zwischen den Kulturen [German Balts between the cultures], in Keller, Mechthild; Korn, Karl-Heinz (Hgg.). *West-östliche Spiegelungen*. Reihe A. Bd. 4. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink Publ., 2000. P. 427–481 (in German).
- Garleff, Michael. Russen und Rußland in deutschbaltischen Erinnerungen [The Russians and Russia in German Baltic memories], in Keller, Mechthild; Korn, Karl-Heinz (Hgg.). *West-östliche Spiegelungen*. Reihe A. Bd. 4. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink Publ., 2000. P. 482–520 (in German).
- Hamann, Brigitte. *Der Erste Weltkrieg: Wahrheit und Lüge in Bildern und Texten* [*The First World War: Truth and lie in images and texts*]. München: Piper Publ., 2004. 191 p. (in German).
- Heuss, Theodor. *Friedrich Naumann. Der Mann, das Werk, die Zeit* [*Friedrich Naumann. The man, the work, the time*]. München; Hamburg: Siebenstern Publ., 1968. 583 p. (in German).
- Hoetzsch, Otto. Das Zeitalter Wilhelms II. [The age of Wilhelm II], in *Akademische Blätter*. 17 (1902/1903). P. 289 (in German).
- Hoetzsch, Otto. Die äußere Politik der Woche [The foreign policy of the week], in *Kreuzzeitung*. 9.4.1913 (in German).
- Hoetzsch, Otto. *Die dringendste Aufgabe der Polenpolitik* [*The most urgent task of the Polish politics*]. München: J. F. Lehmann Publ., 1907. 23 p. (in German).
- Hoetzsch, Otto. Die historischen Grundlagen eines konstitutionellen Lebens in Rußland. Umriss und Grundlinien [The historical foundations of constitutional life in Russia. Outlines and baselines], in Hoetzsch, Otto. *Beiträge zur russischen Geschichte*. Berlin: Duncker Publ., 1907. P. 83–109 (in German).
- Hoetzsch, Otto. Die österreichische Staatsidee [The Austrian state idea], in *Akademische Blätter*. 24 (1909/1910) (in German). P. 236.
- Hoetzsch, Otto. *Grundzüge der Geschichte Rußlands* [*Main features of the history of Russia*]. Stuttgart: K. F. Koehler Publ., 1949. 223 p. (in German).

Hoetzsch, Otto. Russisch-Turkestan und die Tendenzen der heutigen russischen Kolonialpolitik [Russian Turkestan and the tendencies of the present-day Russian colonial policy], in *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich*. 37 (1913). H. 2–3. P. 371–409 (in German).

Hoetzsch, Otto. *Rußland als Gegner Deutschlands* [Russia as an enemy of Germany]. Leipzig: S. Hirzel Publ., 1914. 61 p. (in German).

Hoetzsch, Otto. Rußland. Ein Versuch [Russia. An attempt], in *Akademische Blätter*. 15 (1900/1901). P. 79–119 (in German).

Hoetzsch, Otto. *Rußland. Eine Einführung auf Grund seiner Geschichte von 1904 bis 1912* [Russia. An introduction due to its history from 1904 to 1912]. Berlin: G. Reimer Publ., 1913. 550 p. (in German).

Jäckh, Ernst. Deutsche Notwendigkeiten zwischen Belgrad und Bagdad [German necessities between Belgrade and Baghdad], in Jäckh, Ernst. *Deutschland im Orient nach dem Balkankrieg*. München: M. Mörike Publ., 1913. P. 148–158 (in German).

Jahn, Egbert. Niemand ist hineingeschlittert. Hundert Jahre Streit über die Schuld am Ersten Weltkrieg [No one has slipped into. One Hundred years of quarrel about the guilt for the First World War], in *Osteuropa*. № 11–12. 2014. P. 3–28 (in German).

Jaworski, Rudolf. Zwischen Polenliebe und Polenschelte. Zu den Wandlungen des deutschen Polenbildes im 19. und 20. Jahrhundert [Between Pole's love and Pole's scolding. To the changes of the German Poland image in the 19th and 20th centuries], in Beyrau, Dietrich (Hg.). *Blick zurück ohne Zorn. Polen und Deutsche in Geschichte und Gegenwart*. Tübingen: Attempto Publ., 1999. P. 55–70 (in German).

Kamusella, Tomasz. Germanization, Polonization, and Russification in the partitioned lands of Poland-Lithuania, in *Nationalities Papers*. Sep. 2013. Vol. 41. Issue 5. P. 815–838.

Karl, Lars; Skordos, Adamantios. Im Spiegel des Westens — Panslawismus als Bedrohungsszenario im 19. Jahrhundert [In the mirror of the West — Panslawismus as a threat scenario in the 19th century], in Karl, Lars; Skordos, Adamantios. *Panslawismus. Europäische Geschichte Online (EGO)*, hg. vom Leibniz-Institut für Europäische Geschichte (IEG). Mainz 2013-06-06 (URL: <http://www.ieg-ego.eu/karl-skordosa-2013-de>) (in German).

Keller, Mechthild; Korn, Karl-Heinz (Hgg.). *West-östliche Spiegelungen. Reihe A. Bd. 4. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg* [West-Eastern reflections. Vol. A-4. Russians and Russia from the German perspective. 19th/20th century: From the Bismarck time until the First World War]. München: Fink Publ., 2000. 1160 p. (in German).

Kopelew, Lew. Am Vorabend des großen Krieges [On the eve of the Great War], in Keller, Mechthild; Korn, Karl-Heinz (Hgg.). *West-östliche Spiegelungen. Reihe A. Bd. 4. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München: Fink Publ., 2000. P. 11–110 (in German).

Krupnikov, Petr Yakovlevich. *Polveka istorii Latvii glazami nemtsev (konets XIX veka – 1945 god)* [A half-century history of Latvia through the eyes of the Germans (the end of 19th century – 1945)]. Riga: Avtos Publ., 1989. 317 p. (in Russian)⁶³.

Kühne, Thomas; Ziemann, Benjamin (Hgg.). *Was ist Militärgeschichte? [What is a military history?]*. Paderborn: Schöningh Publ., 2000. 359 p. (in German).

Lammich, Maria. Vom «Barbarenland» zum «Weltstaat» — Rußland im Spiegel liberaler und konservativer Zeitschriften [From the «barbarian country» to «world state» — Russia in the

⁶³ Крупников, Петр Яковлевич. Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX века – 1945 год). Рига: Автос, 1989. 317 с.

- mirror of liberal and conservative magazines], in Keller, Mechthild; Korn, Karl-Heinz (Hgg.). *West-östliche Spiegelungen*. Reihe A. Bd. 4. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink Publ., 2000. P. 146–198 (in German).
- Lemberg, Hans. Der «Drang nach Osten» — Mythos und Realität [«Drang nach Osten» — Myth and Reality], in Lawaty, Andreas u.a. (Hgg.). *Deutsche und Polen. Geschichte — Kultur — Politik*. München: Beck Publ., 2003. P. 33–38 (in German).
- Liszkowski, Uwe. *Osteuropaforschung und Politik. Ein Beitrag zum historisch-politischen Denken und Wirken von Otto Hoetzsch* [East European Studies and Politics. A contribution to the historical and political thinking and work of Otto Hoetzsch]. Vol. 1–2. Berlin: Spitz Publ., 1988. 632 p. (in German).
- Liulevicius, Vejas Gabriel. *The German Myth of the East. 1800 to the Present*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 292 p.
- Mehnert, Klaus. *Der deutsche Standort* [The German location]. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt Publ., 1967. 415 p. (in German).
- Meyer, Klaus. *Theodor Schiemann als politischer Publizist* [Theodor Schiemann as a political publicist]. Frankfurt/Main; Hamburg: Rütten & Loening Publ., 1956. 320 p. (in German).
- Mogk, Walter. *Paul Rohrbach und das «Größere Deutschland». Ethischer Imperialismus im Wilhelminischen Zeitalter* [Paul Rohrbach and the «Greater Germany». Ethical imperialism in the Wilhelmine era]. München: Goldmann Publ., 1972. 307 p. (in German).
- Paddock, Troy. Historiker als Politiker [Historian as a politician], in Keller, Mechthild; Korn, Karl-Heinz (Hgg.). *West-östliche Spiegelungen*. Reihe A. Bd. 4. Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg. München: Fink Publ., 2000. P. 298–348 (in German).
- Remer, Claus. *Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18* [Ukraine in the field of view of German interests. Late 19th century until 1917/18]. Frankfurt a.M. u.a.: Lang Publ., 1997. 408 p. (in German).
- Reventlow, Ernst. *Deutschlands auswärtige Politik 1888–1914* [Germany's Foreign Policy 1888–1914]. Berlin: Mittler Publ., 1915. 417 p. (in German).
- Rohrbach, Paul (Hg.). *Die russische Gefahr. Beiträge und Urkunden zur Zeitgeschichte* [The Russian danger. Contributions and documents for the contemporary history]. Stuttgart: Engelhorn Publ., 1916–1918 (in German).
- Rohrbach, Paul. *Das Finanzsystem Witte* [The Witte's financial system]. Berlin: Stilke Publ., 1902. 71 p. (in German).
- Rohrbach, Paul. *Der deutsche Gedanke in der Welt* [The German idea in the world]. Düsseldorf; Leipzig: Langewiesche Publ., 1912. 250 p. (in German).
- Rohrbach, Paul. *Deutschland unter den Weltvölkern* [Germany among the world nations]. Stuttgart: Engelhorn Publ., 1921. 352 p. (in German).
- Rohrbach, Paul. *Deutschland unter den Weltvölkern* [Germany among the world nations]. Berlin; Schöneberg: Fortschritt Publ., 1911. 418 p. (in German).
- Rohrbach, Paul. *Deutschlands Lage in der Welt* [Germany's position in the world]. Hamburg: Boysen Publ., 1916. 20 p. (in German).
- Rohrbach, Paul. *Warum es der deutsche Krieg ist!* [Why it is the German war!]. Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlagsanstalt Publ., 1914. 30 p. (in German).
- Rohrbach, Paul. *Woher kam der Krieg?* [Where from did the war come?]. Weimar: Kiepenheuer Publ., 1916. 29 p. (in German).
- Rohrbach, Paul. Zum Krieg! [To the war!], in *Preußische Jahrbücher*. 25.06.1913 (in German).

Rohrbach, Paul. *Zum Weltvolk hindurch!* [To the world people through!]. Stuttgart: Engelhorn Publ., 1914. 103 p. (in German).

Rost, A. Bilder und Röntgenbilder [Images and radiographs], in *Die Welt der Literatur*. Nr. 8. 1965 (in German).

Russland-Studien. Gedenkschrift für Otto Hoetzsch [Russia studies. In memoriam of Otto Hoetzsch]. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt Publ., 1957. 110 p. (in German).

Schiemann, Theodor. *Deutschland und die große Politik anno 1901–1914* [Germany and the great politics anno 1901–1914]. Vol. 1–14. Berlin: G. Reimer, 1902–1915 (in German).

Schiemann, Theodor. *Deutschland und die große Politik anno 1903* [Germany and the great politics anno 1903]. Vol. 3. Berlin: G. Reimer, 1904. 409 p. (in German).

Schiemann, Theodor. *Die letzten Etappen zum Weltkrieg* [The last stages to the world war]. Berlin: G. Reimer, 1915. 352 p. (in German).

Schiemann, Theodor. Russische Angriffe und Anschläge auf Deutschland vor Nikolaus II. [Russian attacks and attempts on Germany before Nicholas II], in *Süddeutsche Monatshefte*. 12 (1914/1915) (in German).

Theiner, Peter. *Sozialer Liberalismus und deutsche Weltpolitik. Friedrich Naumann im Wilhelminischen Deutschland (1860–1919)* [Social liberalism and German foreign policy: Friedrich Naumann in Wilhelmine Germany, 1860–1919]. Baden-Baden, 1983. 327 p. (in German).

Troebst, Stefan. Slavizität. Identitätsmuster, Analyserahmen, Mythos [Slavdom. Identity pattern, analysis framework, myth], in *Osteuropa*. № 12. 2009. P. 7–19 (in German).

Tsimbaev, Konstantin Nikolaevich. «Velikaya Germaniya». *Formirovanie nemetskoj natsional'noy idei nakanune Pervoy mirovoy voyny* [«Great Germany». Formation of the German national idea on the eve of the First World War]. Moscow: RGGU Publ., 2015. 261 p. (in Russian)⁶⁴.

Tsimbaev, Konstantin. Der sowjetische Topos vom deutschen «Drang nach Osten». Historische, ideologische und wissenschaftliche Ursprünge [The Soviet topos of the German «Drang nach Osten». Historical, ideological and scientific origins], in Gasior, Agnieszka; Karl, Lars; Troebst, Stefan (Hgg.). *Post-Panslavismus: Slavizität, Slavische Idee und Antislavismus im 20. und 21. Jahrhundert*. Göttingen: Wallstein Verlag Publ., 2014. P. 427–447 (in German).

Tu, Tzu-hsi. *Die deutsche Ostsiedlung bis zum Ende des Ersten Weltkriegs* [The German Ostsiedlung until the end of World War I]. Kassel: Kassel University Press, 2009. 211 p. (in German).

Voigt, Gerd. *Otto Hoetzsch. 1876–1946. Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers* [Otto Hoetzsch. 1876–1946. Science and politics in the life of a German historian]. Berlin (Ost): Akademie der Wissenschaften der DDR, 1978. 214 p. (in German).

Whitman, Sidney. *Deutsche Erinnerungen* [German Memories]. Stuttgart; Berlin: Deutsche Verlagsanstalt, 1912. 351 p. (in German).

Winter, Jay (ed.). *The Cambridge History of the First World War*. Vol. 1–3. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 2303 p.

Wippermann, Wolfgang. *Der «Deutsche Drang nach Osten»: Ideologie und Wirklichkeit eines politischen Schlagwortes* [The «German Drang nach Osten»: ideology and reality of a political catchword]. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1981. 153 p. (in German).

⁶⁴ Цимбаев, Константин Николаевич. «Великая Германия». Формирование немецкой национальной идеи накануне Первой мировой войны. Москва: Издательство РГГУ, 2015. 261 с.